

предстоящем деле. Он сам хотел первый приложить свою руку к тому, но не мог, так как ему воспрепятствовала тирания жителей Рима, а потому он возложил свои обязанности на св. аббата Клерво Бернарда.

Накопец, наступил день столь вождественный для короля. Аббат, подкрепленный апостольской властью и собственной святошью, и бесчисленное множество приглашенных сошлись в одном месте и в одно и то же время. Король украсил себя крестом, присланным ему от первосвященника, и вместе с ним принял крест многие из баронов. Так как в замке не было места для такого множества людей, то вне его, в открытом поле построили из дерева возвышение, чтобы аббат мог говорить во всеуслышание. Он поднялся наверх, и с ним король, украшенный крестом. Когда этот божественный оратор, по своему обычаю, распространил росу небесного слова, со всех сторон и все подняли крики, требуя: «Крестов, крестов!» Аббат, не столько раздавая, сколько осыпая крестами, заранее изготовленными, должен был, наконец, разорвать свою одежду и, сделав новые кресты, продолжал наделывать ими по-прежнему. Так он трудился над этим, пока стоял на том месте. Я не буду говорить о чудесах, которые происходили там в то время и из которых явствовало, что то дело было угодно Богу; я боюсь, что, сказав мало, буду обвинен в том, что не сказал больше, а сказав много, получу упрек за удаление от предмета. Наконец, когда было обнаружено, что поход откроется через год, все радостно разошлись по домам. Между тем аббат, скрывавший отважный дух в теле слабом и наполовину умершем, пустился проповедовать в другие места, так что в короткое время число странников увеличилось бесконечно. Король, находя удовольствие только в проповедовании веры и надеясь собрать еще одну многочисленную армию, отправил послов в Апулию к королю Рожеру. Рожер отвечал ему согласно его желанием: сверх того, он послал к королю знатных людей, которые обещали снабдить его съестными припасами, кораблями и всем необходимым и говорили, что сам Рожер или его сын присоединятся к походу. Людовик отправил послов к императору

Константинопольскому, но имен их не знаю, потому что они не записаны в пилигримские списки. Император отвечал нашему королю в длинном послании длинной лестью, называя его и святым, и другом, и братом, и обещал ему многое, чего на деле, как мы увидим в своем месте, не исполнил.

Далее автор говорит о французских посольствах в Германию и Венгрию с той же целью; о возвращении посланных и их отчете на сейме в Тампе 16 февраля, где король устроил регентство аббата Сугерия и графа Неверского и куда прибыл Папа Евгений для благословения крестоносцев: определено было к Пасхе собраться всем в Метце и оттуда тронуться в дальнейший путь через Германию, Венгрию и Грецию, наперекор советам Рожера Сицилийского, который предостерегал Людовика VII относительно коварства греков и предлагал идти через Италию и потом морем.

Перед окончательным отправлением король совершил весьма похвальный подвиг, в котором, однако, немногие ему подражали, а может быть, даже никто из людей, равных ему по званию. Посетив сначала монастыри в Париже, он вышел за город и отправился ходить по домам прокаженных: я сам видел его там, как за ним следовали двое служителей, а остальная свита держалась в отдалении. Между тем его мать, жена и множество людей отправились к блаженному Дюниссию. Ту же отправился и наш король, где он напел Папу, аббата и всех монахов вместе. Распростершись благоговейно на земле, он помолвился своему патрону. Папа и аббат открыли небольшую золотую дверцу и, вынув осторожно серебряный ящик, дали королю приложиться к тому, что он ценил от всего сердца, с целью внушить ему большую решимость и отважность. После того, взяв с алтаря зпая и получив от Папы посох страшика и благословение, он удалился в опочивальни монахов, чтобы укрыться от толпы; он не мог долее оставаться среди такого множества народа, а мать и жена его почти задыхались от слез и жары. Было бы напрасно и невозможно желать описывать плач и рыдания, которыми оглашалось то место. В этот день король, удержав при себе немногих из свиты, обедал в столовой монахов и потом, обняв всех его окружавших, удалился, напутствуемый их слезами и молитвами.